О. Л. АХУНОВА (ЛЕВИНСКАЯ)

Ахунова (Левинская) Ольга Леонидовна
доктор филологических наук
Институт восточных культур и античности,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: +7(495)250-69-38
E-mail: levinskaja@mail.ru

КАК ВАЖНО БЫТЬ ВНЯТНЫМ: ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ ФОТИЯ (BIBLIOTHECA, COD. 129) В ИСТОРИИ АНТИЧНОГО РОМАНА

Аннотация. Предметом анализа в статье является одна из заметок «Библиотеки» Фотия (cod. 129), в которой идет речь о «Метаморфозах» Луция Патрского. Интерпретация этой заметки чрезвычайно важна для истории античного романа, но в наиболее важных местах высказывания Фотия оказываются невнятными. Эта статья — попытка найти разумное объяснение невнятности Фотия и прояснить смысл вызывающих затруднения высказываний.

Ключевые слова: Фотий, Луций Патрский, Лукиан, Апулей, «Метаморфозы», рецензия, античный роман

«Библиотека» Фотия[1] хранит много драгоценного для истории литературы — в том числе и для истории античного романа. Замечательно, когда Фотий пускается в подробный пересказ утраченного для нас произведения: так мы узнали о содержании «Чудес по ту сторону Фулы» Антония Диогена[2] или «Вавилонской повести» Ямвлиха[3]. Со вкусом и не менее

[1] Фотий — византийский богослов, Патриарх Константинопольский (858–867, 877–886). «Библиотека» — это описание и пересказ прочитанных Фотием книг, каждой из которых посвящена отдельная заметка; всего в «Библиотеке» 279 заметок.

[2] Антоний Диоген — греческий писатель, время жизни которого предположительно относят ко II в. Сведения о нем и его романе «Чудеса по ту сторону Фулы» содержатся только у Фотия в «Библиотеке» и у Порфирия в «Жизнеописании Пифагора».

[3] Ямвлих — грекоязычный писатель сирийского происхождения, время жизни которого предположительно относят ко второй половине II в. Как и в случае с Антонием Диогеном, сведения о нем и его «Вавилонской повести» содержатся только в «Библиотеке» Фотия и в византийском словаре «Суда».

© О. Л. АХУНОВА (ЛЕВИНСКАЯ)

подробно Фотий пересказывает «Эфиопику» Гелиодора[4], а «Левкиппу и Клитофонта» Ахилла Татия[5] не пересказывает совсем: похвалив стиль, он сообщает, что там слишком много глупого и непристойного, и рекомендует держаться от такого чтения подальше (κατάπτυστον τὴν ἀνάγνωσιν ποιεῖται καὶ φευκτήν).

К счастью, «Левкиппа и Клитофонт» сохранились, а вот другое сочинение, от которого тянутся нити в историю не только греческой, но римской литературы и которое Фотий тоже пересказывать не стал, утрачено. Я имею в виду «Метаморфозы» Луция Патрского, о которых Фотий рассказывает в одной из своих заметок (cod. 129). Никто, кроме Фотия, об этом авторе и об этом произведении не упоминает. Это обстоятельство как таковое не было бы столь важным, если бы загадочные «Метаморфозы» не оказались одной из сторон поразительного литературного треугольника.

Дело в том, что Фотий не просто рассказывает о потерянном для нас произведении, но сопоставляет его с другим, по счастью сохранившимся, — с небольшой новеллой, которая дошла до нас в корпусе Лукиана под названием «Луций, или Осел». В этой новелле рассказывается о приключениях молодого человека по имени Луций, который превратился в осла, а потом долго странствовал и бедствовал, пока не был счастливо избавлен от ослиного обличия.

Из заметки Фотия ясно, что эта новелла и «Метаморфозы» Луция Патрского находятся в более чем тесных отношениях друг с другом, а именно: один из авторов просто списал свое сочинение у другого.

Фотий, вероятнее всего, не знал, что два этих греческих текста имели отношение к третьему, латинскому — к роману Апулея «Метаморфозы». Но знали гуманисты. Они-то и предположили, что «Метаморфозы» Луция Патрского стали источником и для новеллы «Луций, или Осел», и для апулеевского романа [Westermann 1838: 463; cf. Perry 1920: 3]. Этот уникальный греко-римский треугольник надолго сделался предметом научных дискуссий (подробно о ходе этих дискуссий см.: [Mason 1994]).

Ключевым был, конечно, вопрос о том, что же представляли собой «Метаморфозы» Луция Патрского. Но заметка Фотия, будучи единственным источником сведений об этом сочинении, не поддавалась однозначной интерпретации: именно те места, которые могли бы прояснить что-то относительно структуры, композиции и жанровых особенностей утраченного сочинения Луция Патрского, оказались у Фотия особенно невнятными.

В 1990-е годы споры о взаимных отношениях трех «ослиных» историй исчерпались [Mason 1994: 1672; cf. Mason 2004: 103–106]. Говоря совсем коротко, все согласились в том, что исчезнувшие «Метаморфозы» Луция

[4] Гелиодор — греческий писатель, время жизни которого относят к III или IV в. Известен как автор романа «Эфиопика».

[5] Ахилл Татий — греческий писатель, время жизни которого предположительно относят ко II в. Известен как автор романа «Левкиппа и Клитофонт».

Патрского (или их часть) были, с одной стороны, представлены в сокращенном виде, в виде эпитомы — это новелла «Луций, или Осел», а с другой стороны, были использованы Апулеем при написании его романа.

Формирование opinio communis вовсе не означало, что все проблемы литературного треугольника были решены — просто на время они потеряли остроту. Но избежать этих проблем невозможно — они всплывают даже в общих исследованиях, связанных с историей греческого романа [Morales 2006], не говоря уже об исследованиях, посвященных «Метаморфозам» Апулея. Когда объектом исследования становится апулеевский роман [Tilg 2014], обойти вопрос о его взаимоотношениях с сочинением Луция Патрского невозможно, но тут и оказывается, что исследователь наталкивается на те же проблемы с интерпретацией заметки Фотия, что и его коллеги предшествующих поколений [Ibid: 3–10].

Тем более досадно, что Фотий, как следует из предисловия к «Библиотеке», создавал ее для того, чтобы его брат Тарасий мог составить представление о книгах, прочитанных в его отсутствие. Действительно ли Фотий писал свои заметки ради брата, или это был литературный прием, судить сложно. В любом случае, заметки Фотия — это своего рода рецензии разной степени подробности и углубленности [Agachi 2012: 271].

Учитывая эту особенность заметок Фотия, я попытаюсь объяснить, с чем могут быть связаны затруднения в интерпретации его текста в cod. 129.

Эта заметка открывается следующей фразой: Ἀνεγνώσθη Λουκίου Πατρέως μεταμορφώσεων λόγοι διάφοροι — «Прочитано: Метаморфоз Луция Патрского разные книги». Здесь камнем преткновения и соблазна стала формулировка λόγοι διάφοροι. Она позволила предположить, что «Метаморфозы» Луция Патрского были собранием разных по содержанию историй метаморфоз (что-то вроде «Метаморфоз» Овидия в прозе), из которых только одна была посвящена превращению в осла [Rohde 1869: 19]. А из этого следовало, что «Метаморфозы» Луция Патрского не могли быть прототипом апулеевского романа, который, как мы знаем, выстроен по единой сюжетной линии и посвящен одной главной истории — истории приключений Луция в обличии осла.

Альтернативное толкование предложил в свое время Бен Перри: с его точки зрения, λόγοι διάφοροι означают здесь «несколько (several) книг» [Perry 1920: 21–31; cf. Perry 1967: 213–214]. Оно было поддержано Джоном Уинклером [Winkler 1991: 253] и до сих пор считается вполне основательным и разумным [Tilg 2014: 4].

Толкование Перри принципиально меняет представление о структуре загадочных «Метаморфоз» Луция Патрского: ведь если Фотий сообщает, что это сочинение содержит «несколько книг», то из этого вовсе не следует, что оно представляло собой сборник различных историй метаморфоз. А значит, оно вполне могло обладать единым сквозным сюжетом и, следовательно, может рассматриваться как полноценный греческий коррелят апулеевского романа и т. д.

Почему эта простая фраза Фотия не поддается однозначному истолкованию? На мой взгляд, для ее интерпретации важно учитывать, что это ф о р м у л а — Фотий открывает каждую заметку «Библиотеки» словами: «Прочитано: такого-то автора такое-то сочинение». Эта формула вариативна:

1) вместе с названием прочитанного сочинения указывается число книг (или иных структурных единиц, составляющих данное сочинение) — «в стольких-то книгах» или просто «столько-то книг/речей/декламаций/писем»[6];

2) число книг/речей/декламаций/писем не указывается;

3) на месте числа книг/речей/декламаций/писем может стоять прилагательное διάφοροι[7].

Мои наблюдения над текстом «Библиотеки» (на нынешнем их этапе) привели меня к некоторым предположениям касательно смысла и назначения этой вводной формулы. Эти предположения сводятся к следующему. Глагол ἀνεγνώσθη[8] является здесь ключевым — на нем лежит главный смысловой акцент. И потому основное назначение этой формулы у Фотия состоит не в том, чтобы сообщить объективную информацию о составе прочитанного сочинения, а в том, чтобы обозначить меру и характер знакомства с ним.

Когда Фотий сразу указывает точное число книг или иных структурных единиц прочитанного сочинения, он делает это не для того, чтобы сообщить, каково именно их количество, а для того, чтобы показать, что сочинение прочитано последовательно и полностью.

Когда точное число опущено, это может означать

а) что данное сочинение вообще не делится на книги, как, например, лексиконы, устроенные в алфавитном порядке (cod. 145–150), или «Послание к Гаю» и «Против Флакка» Филона Александрийского (cod. 105), или отдельные сочинения Юстина Мученика (cod. 125);

---

[6] Например: Ἀνεγνώσθη Ἡροδότου ἱστοριῶν λόγοι θ′, κατὰ ἀριθμὸν καὶ ἐπωνυμίαν τῶν ἐννέα Μουσῶν (cod. 60) — «Прочитано: Историй Геродота 9 книг, по числу и именованию девяти Муз»; Ἀνεγνώσθη Ἀλεξανδρέως Ἀχιλλέως Τατίου τῶν περὶ Λευκίππην καὶ Κλειτοφῶντα λόγοι η′ (cod. 87) — «Прочитано: александрийца Ахилла Татия о Левкиппе и Клитофонте 8 книг»; Ἀνεγνώσθη Ἀντωνίου Διογένους τῶν ὑπὲρ Θούλην ἀπίστων λόγοι κδ′ (cod. 166) — «Прочитано: Антония Диогена Чудес по ту сторону Фулы 24 книги»; Ἀνεγνώσθη Φιλοστράτου Τυρίου εἰς τὸν Ἀπολλωνίου τοῦ Τυανέως βίον λόγοι ὀκτώ (cod. 44) — «Прочитано: Филострата Тирского о жизни Аполлония Тианского 8 книг»; Ἀνεγνώσθη εὐαγγελικῆς προπαρασκευῆς Εὐσεβίου λόγοι ιε′ (cod. 9) — «Прочитано: Евангельского приготовления Евсевия 15 книг».

[7] Например: Ἀνεγνώσθη Ἀδριανοῦ τοῦ βασιλέως μελέται διάφοροι (cod. 100) — «Прочитано: императора Адриана различные декламации»; Ἀνεγνώσθη Παλλαδίου σοφιστοῦ μελέται διάφοροι, καὶ Ἀφθονίου καὶ Εὐσεβίου σοφιστοῦ καὶ Μαξίμου σοφιστοῦ Ἀλεξανδρέως (cod. 132–135) — «Прочитано: софиста Палладия различные декламации, и софистов Афтония и Евсевия, и софиста Максима Александрийца». Таким же образом Фотий сообщает о прочитанных письмах Синесия Киренского (ἐπιστολαὶ διάφοροι, cod. 26) и Афанасия (ἐπιστολαὶ διάφοροι, cod. 32).

[8] Фотий неукоснительно использует его в единственном числе, независимо от того, стоит ли подлежащее в числе единственном или множественном.

б) что знакомство Фотия с данным сочинением не является столь же простым и исчерпывающим, каким оно бывает при последовательном, от начала до конца, чтении. В некоторых заметках с таким типом вводной формулы Фотий сам поясняет, как именно читалось сочинение, или дает понять (а иногда и говорит прямо), какая его часть была прочитана.

Например, в заметке о Филосторгии Арианине (cod. 40) Фотий сообщает, что сначала прочитал первые шесть частей его сочинения, которые и стали предметом его критического разбора в данной заметке, а спустя какое-то время взялся и за вторую книгу, также содержащую шесть частей. Но эту вторую часть Фотий уже не разбирает подробно, а ограничивается указанием на хронологические рамки повествования (до Феодосия II) и кратко характеризует отношение Филосторгия к Григорию Богослову и Василию Великому. Возможно, только первая часть сочинения и была прочитана тщательно, а со второй Фотий лишь ознакомился, чтобы составить о ней общее представление.

В заметке о Феодоре Антиохийском (cod. 38) Фотий не указывает общего числа книг прочитанного сочинения, а присовокупляет к вводной формульной фразе Ἀνεγνώσθη Θεοδώρου Ἀντιοχέως οὗ ἡ ἐπιγραφὴ ἑρμηνεία τῆς κτίσεως (Прочитано: Феодора Антиохийца [сочинение], название которого Толкование Творения[9]) дополнительное указание: «первая книга исчерпывалась семью частями» (ἐν τόμοις ἑπτὰ ἡ πρώτη βίβλος ἐπεραίνετο). О последующих книгах Фотий даже не упоминает и переходит к критике. По всей видимости, первой книгой чтение Фотия в данном случае и ограничилось.

А в заметке о «Церковной истории» Иоанна (cod. 41) Фотий только под конец признается, что у него получилось прочитать лишь пять из десяти частей этой «Истории» (ὧν ἡμῖν τοὺς πέντε γέγονεν ἀναγνῶναι). В том, что сочинение осталось недочитанным, дважды признается Фотий и в заметке о «Собрании олимпийских победителей и летописей» Флегонта из Тралл (cod. 97): в первый раз сообщает, что дочитал только до 177-й Олимпиады, а в конце добавляет, что прочитанная часть составила 5 книг.

Теперь о третьем варианте формулы ἀνεγνώσθη. Если мое предположение верно и назначение этой формулы — не сообщить сведения о самом прочитанном сочинении, а указать меру и характер знакомства с ним, то определение διάφοροι не характеризует разнообразие самих прочитанных книг/речей/декламаций/писем, а обозначает «разнообразный» способ знакомства с ними: они читались не целиком и сплошь, а частично и выборочно.

Этот вариант формулы Фотий использует применительно к произведениям определенного рода — к сборникам речей, риторических упражнений или писем, иными словами, к собраниям отдельных, самостоятельных

[9] Толкование на Книгу Бытия.

и внутри себя законченных текстов[10]. К ним Фотий относит и диалоги Лукиана — νεκρικοὶ καὶ ἑταιρικοὶ διάλογοι διάφοροι (cod. 128).

В некоторых заметках об ораторах или софистах Фотий все-таки указывает точное число их речей, но не во вводной формуле, а в следующей фразе, в середине или даже в конце заметки. Так он поступает в заметках об Антифоне (cod. 259), Исократе (cod. 260), Лисии (cod. 262), Гипериде (cod. 266) и Динархе (cod. 267). Но это специальное уточнение: Фотий указывает, что из такого-то количества речей, циркулирующих под именем этого автора, столько-то считаются аутентичными, а столько-то — нет.

Если мои предположения об особой интенции вводной формулы Фотиевых заметок верны, то λόγοι διάφοροι в первой фразе интересующей нас заметки о «Метаморфозах» Луция Патрского (Ανεγνώσθη Λουκίου Πατρέως μεταμορφώσεων λόγοι διάφοροι) оказываются абсолютно прозрачными: Фотий всего лишь указывает, что не читал «Метаморфозы» сплошь от первой до последней книги, а читал их частично и выборочно. И если учесть, что такой способ чтения Фотий использовал применительно к сборникам (речей, писем или даже диалогов Лукиана), то можно предположить, что и «Метаморфозы» Луция Патрского он воспринял как цикл отдельных историй метаморфоз, а не как произведение со сквозным сюжетом. Но здесь Фотий мог и ошибиться: как мы увидим дальше, есть некоторые основания подозревать, что дальше двух первых книг этого сочинения он не продвинулся.

В следующей фразе Фотий кратко характеризует стиль Луция Патрского: Ἔστι δὲ τὴν φράσιν σαφής τε καὶ καθαρὸς καὶ φίλος γλυκύτητος — «Слог его ясный и чистый и не чужд сладостности», а во втором колоне меняет предмет описания, переходя от формы к содержанию: φεύγων δὲ τὴν ἐν λόγοις καινοτομίαν, εἰς ὑπερβολὴν διώκει τὴν ἐν τοῖς διηγήμασι τερατείαν — «но избегая новшеств в словах, он изо всех сил гонится за диковинным (τερατείαν) в своих рассказах».

Быстрый переход выдает беглый характер этой заметки, но в небрежности Фотия обвинить нельзя. Колон выдержан риторически, с параллельными конструкциями и гомеотелевтами: τὴν ἐν λόγοις καινοτομίαν // τὴν ἐν τοῖς διηγήμασι τερατείαν. Тем самым Фотий подчеркивает контраст двух важных для него особенностей Луция Патрского: простота языка сочетается у него с эксцентричным содержанием.

К этому соображению Фотий привязывает (в синтаксическом смысле) еще одно: καὶ ὡς ἄν τις εἴποι, ἄλλος ἐστὶ Λουκιανός — «и является, можно сказать, вторым Лукианом». Связь этих двух тезисов неочевидна, тем более что Фотий и не пытается ее прояснить, а просто привязывает один тезис к другому сочинительным союзом καί. Это может выглядеть как результат поспешности или небрежности. Но здесь, как мне кажется, очень важно иметь в виду, что в предшествующей заметке (cod. 128), т. е. буквально

[10] См. выше, примеч. 7.

двумя фразами раньше, Фотий писал именно о Лукиане и о своеобразной двойственности его сочинений. Если в отношении стиля Лукиан безупречен (Фотий говорит о его чистоте, εὐκρινεία τε καὶ καθαρότης, и блеске), то содержательно его тексты полны всяких глупостей, диковинных мнений и выдумок (τερατώδεις δόξας καὶ ἀναπλάσεις) над которыми, по мнению Фотия, Лукиан и сам потешается.

Таким образом, читая заметки Фотия последовательно и подряд (а он, возможно, на это и рассчитывал), мы легко восстанавливаем выпавшее логическое звено: сочетание сдержанного и простого стиля с эксцентричным содержанием — марка Лукиана, и в этом отношении Луций Патрский тоже как бы Лукиан.

Следующая фраза Фотия вызвала не меньше споров, чем первая, про λόγοι διάφοροι. Ведь именно она воспринималась как ключ к проблеме структуры и композиции утраченных «Метаморфоз» Луция Патрского: Οἱ δέ γε πρῶτοι αὐτοῦ δύο λόγοι μόνον οὐ μετεγράφησαν Λουκίῳ ἐκ τοῦ Λουκιανοῦ λόγου ὃς ἐπιγέγραπται Λοῦκις ἢ Ὄνος — «Первые две его книги почти списаны Луцием из сочинения Лукиана, которое озаглавлено “Луций, или Осел”» (переведено без нюансов — о них речь пойдет дальше).

Главный вопрос: почему Фотий говорит только о первых двух книгах? Потому ли, что только первые две книги «Метаморфоз» совпадают с лукиановой новеллой, а остальные посвящены другим историям метаморфоз [Rohde 1869: 3–5; Hall 1981: 414–432]? Или потому, что первыми двумя книгами знакомство Фотия с произведением Луция Патрского и ограничилось [Perry 1920: 21–31; 1967: 215–218; Winkler 1991: 255–256; cf. Mason 2004: 106]?

Мне кажется, что для понимания этой фразы важно, как она связана с предыдущей, где сказано, что Луций Патрский — это второй Лукиан. Любопытно, что в переводе исследователи часто избегают выявления этой связи, так что фраза оказывается обособленной, «отвязанной» от контекста: «His first two books at any rate are almost transcribed from Lucian’s story» [Perry 1967: 213–214]; или: «The first two books were transcribed almost exactly by Loukios from the work of Lucian…» [Tilg 2014: 4].

В греческом тексте эта связь обозначена, хотя и не самой сильной частицей δέ. Строго адверсативного значения эта частица здесь не имеет, потому что мысль о том, что Луция Патрского можно назвать «вторым Лукианом», не может быть противопоставлена обнаруженному Фотием плагиаторству. Вероятнее всего, Фотий лишь дополняет, развивает или даже усиливает эту мысль: «А его первые две книги почти переписаны из сочинения Лукиана».

Но помимо частицы δέ здесь есть ограничительная частица γε (οἱ δέ **γε** πρῶτοι αὐτοῦ δύο λόγοι). И тогда мы читаем: «А его первые две, по крайней мере, книги почти переписаны из сочинения Лукиана». Если это ограничение относится к «первым двум книгам», то смысл не вполне ясен, и вся фраза выглядит недосказанной, открывая возможности для раз-

личных толкований: хочет ли Фотий сказать, что только первые две книги Луций списал, а остальные, возможно, написал самостоятельно? Или он хочет сказать, что только в первых двух книгах содержалась та же история про Луция-осла, что и в лукиановской новелле, а в остальных содержались другие истории?

Но если предположить, что Фотий относит это ограничение к собственному суждению, то фраза оказывается, на мой взгляд, вполне прозрачной: Фотий дает понять, что судить о плагиаторстве Луция он может только в пределах первых двух книг «Метаморфоз» (ср. [Winkler 255–256]). Почему, Фотий не объясняет — создается впечатление, что он просто спешит высказать неожиданный антитезис к тезису о плагиаторстве Луция, который и заключен во второй части фразы: ἢ ἐκ τῶν Λουκίου λόγων Λουκιανῷ — «или у Лукиана — из книг Луция». Иными словами, Фотию важно быть объективным.

Свой альтернативный тезис он тотчас развивает, но с предельной осторожностью: Ἔοικε δὲ μᾶλλον ὁ Λουκιανὸς μεταγράφοντι, ὅσον εἰκάζειν — «И больше похоже, что списывает Лукиан, насколько можно предполагать». Более того, Фотий не просто осторожен — он хочет объяснить самую свою осторожность, свои «похоже» и «насколько можно предполагать». Объяснение содержится во втором колоне: τίς γὰρ χρόνῳ πρεσβύτερος, οὔπω ἔχομεν γνῶναι — «ведь кто старше, мы уже узнать не можем». Иными словами, Фотий дает читателю понять, что никаких сведений о годах жизни и биографии автора по имени Луций Патрский у него нет.

Итак, Фотий выдвигает тезис о плагиаторстве Лукиана как предположение («насколько можно предполагать»), но свой единственный довод в пользу этого предположения приводит чрезвычайно решительно. Он вводит его не просто объяснительным γὰρ, но усиленным καὶ γὰρ ‘ведь в самом деле’: Καὶ γὰρ ὥσπερ ἀπὸ πλάτους τῶν Λουκίου λόγων ὁ Λουκιανὸς ἀπολεπτύνας καὶ περιελὼν ὅσα μὴ ἐδόκει αὐτῷ πρὸς τὸν οἰκεῖον χρήσιμα σκοπόν, αὐταῖς τε λέξεσι καὶ συντάξεσιν εἰς ἕνα τὰ λοιπὰ συναρμόσας λόγον, Λοῦκις ἢ Ὄνος ἐπέγραψε τὸ ἐκεῖθεν ὑποσυληθέν — «Ведь в самом деле, Лукиан, как бы умерив широту Луциевых книг и удалив то, что не казалось ему полезным для собственной его цели, оставшееся — в тех же словах и выражениях — сладил в одну книгу и назвал украденное “Луций, или Осел”».

Этот довод в пользу плагиаторства Лукиана, как мы видим, основан у Фотия на сопоставлении двух текстов, причем читателю предлагается не процесс этого сопоставления, а его результат (что, как мне кажется, полностью соответствует формату рецензии). Сопоставив два текста, Фотий обнаружил, что текст Лукиана выглядит так, как будто это текст Луция Патрского, из которого изъято «лишнее», но при этом не произведено никаких иных изменений — ни лексических, ни синтаксических. Для Фотия этого достаточно, чтобы решить вопрос о плагиате в принципе: плагиатор — тот, чей текст выглядит как сокращенный вариант текста более пространного, т. е. Лукиан.

Таким образом, та мера, в какой Фотий позволяет себе делать предположения и которую оговаривает (ὅσον εἰκάζειν, «насколько можно предполагать»), определяется для него текстом. Именно поэтому, как мне кажется, довод, который базируется на анализе текста, он приводит безо всяких сомнений.

Если мы попробуем обобщить наблюдения над методом Фотия-рецензента, то увидим, что в таком качестве он, во-первых, осторожен в суждениях; во-вторых, стремится охватить предмет со всех возможных сторон; в-третьих, стремится мотивировать свои суждения; в-четвертых, доводы в пользу своих суждений отыскивает в том тексте, о котором пишет.

Тогда возникает вопрос: почему же в обоих столь существенных для нас случаях (с выражениями λόγοι διάφοροι и πρῶτοι δύο λόγοι), когда можно было бы составить представление о структуре «Метаморфоз» и об их соотношении не только с сохранившейся новеллой «Луций, или Осел», но и с романом Апулея, текст Фотия представляется неопределенным или двусмысленным, а толкование его вызывает споры?

С моей точки зрения, дело здесь не в том, что в одних частях заметки Фотий высказывается точно, а в других — невнятно. Все дело в интенции его высказываний. В обоих случаях (и с λόγοι διάφοροι, и с πρῶτοι δύο λόγοι) Фотий указывает не на объективные характеристики сочинения Луция Патрского, не на особенности его структуры или содержания — он указывает на меру своего знакомства с этим сочинением. В одном случае Фотий сообщает, что прочитал его не целиком, а выборочно; в другом дает понять, что может судить о плагиаторстве Луция Патрского только по первым двум книгам его сочинения.

Именно потому Фотий и не останавливается на этом, не пускается в объяснения — это «кухня» рецензента, которая не является предметом анализа и обсуждения.

Еще одну загадку для исследователей составляет заключительная фраза заметки, где Фотий сообщает, в чем, по его мнению, заключается различие между Луцием Патрским и Лукианом [Rohde 1869: 10 sq; Perry 1920: 220–221; Hall 1981: 367; Mason 1994: 1675; Tilg 2014: 6]. Лукиан, пишет Фотий, не относится к описываемому всерьез, но, как и в прочих своих сочинениях, «шутит и насмехается над греческим суеверием» (σκώπτων καὶ διασύρων τὴν Ἑλληνικὴν δεισιδαιμονίαν), а вот Луций Патрский всерьез верит в метаморфозы. Это замечание Фотия оказалось особенно важным в контексте изучения романа Апулея. Ведь «серьезность» Луция Патрского, на которую указывает Фотий, могла быть признаком того, что в его «Метаморфозах» уже была заложена та религиозная составляющая, которая кажется столь неожиданной в «Метаморфозах» Апулея [Tilg 2014: 8–10].

А потому объяснимы и то внимание, с которым исследователи относились к этому утверждению Фотия, и то недовольство, которое вызывала его недостаточная внятность. С одной стороны, очень сложно увидеть в

тексте «Луция, или Осла» насмешки над греческими суевериями. С другой стороны, Фотий, считают исследователи, мог бы и развернуть свой тезис о серьезности Луция Патрского [Tilg 2014: 10].

Но для нас в данном случае важно, в каких именно выражениях преподносит нам Фотий мысль о серьезной вере Луция Патрского в метаморфозы. Исследователи уже давно заметили, что фразеология Фотия в этом месте поразительно совпадает с фразеологией Апулея в его прологе к роману [Helm 1993: vi–vii; Thiel 1971: 44; Scobie 1975: 67–68; Winkler 1981: 183–185; Kahane, Laird 2001: 11–12; Hunter 2012: 238].

Вот текст Апулея (1.1):

> At ego tibi sermone isto Milesio **uarias fabulas conseram** auresque tuas beniuolas lepido susurro permulceam–modo si **papyrum** Aegyptiam argutia Nilotici calami **inscriptam** non spreueris inspicere–**, figuras fortunasque hominum in alias imagines conuersas et in se rursum mutuo nexu refectas** ut mireris.

А вот текст Фотия (cod. 129, 96b 30–35):

> Ὁ δὲ Λούκιος σπουδάζων τε καὶ πιστὰς νομίζων **τὰς ἐξ ἀνθρώπων εἰς ἀλλήλους μεταμορφώσεις τάς τε ἐξ ἀλόγων εἰς ἀνθρώπους καὶ ἀνάπαλιν** καὶ τὸν ἄλλον **τῶν παλαιῶν μύθων** ὕθλον καὶ φλήναφον, **γραφῇ παρεδίδου** ταῦτα καὶ **συνύφαινεν**.

Жирным шрифтом выделены коррелирующие части текстов. Каждую из таких корреляций интересно разобрать в отдельности.

1. τὰς ἐξ ἀνθρώπων εἰς ἀλλήλους μεταμορφώσεις τάς τε ἐξ ἀλόγων εἰς ἀνθρώπους καὶ ἀνάπαλιν (из людей друг в друга превращения, и из животных в людей, и обратно)

// figuras fortunasque hominum in alias imagines conuersas et in se rursum mutuo nexu refectas (обличия и судьбы человеческие в иные образы обращенные и снова в себя связью взаимной возвращенные)

В обоих текстах обозначен предмет повествования — это превращения, многочисленные и многообразные. В тексте Фотия выстроена цепочка: а) превращения людей друг в друга; б) превращения животных в людей; в) обратные превращения. У Апулея эта цепочка состоит только из двух звеньев: а) превращение обликов и судеб людей в иные образы; б) обратные превращения. Превращения в животных у Апулея не упоминаются, но могут подразумеваться под широким и неопределенным alias imagines. Заметим, что в обоих текстах использовано множественное число, и в случае с Апулеем мы знаем точно, что оно вовсе не является указанием на то, что читателю будет предложен сборник историй о различных превращениях: множественное число использовано здесь в обобщающем смысле.

Греческому ἀνάπαλιν в тексте Апулея соответствует его латинский семантический коррелят rursum.

2. καὶ τὸν ἄλλον τῶν παλαιῶν μύθων ὕθλον καὶ φλήναφον (и *прочие* из старых историй *вздор и болтовню*)
// uarias fabulas (разные истории)

В обоих текстах рассказы о превращениях включены в более общую категорию «историй/баек/сказок»: у Фотия они именуются «старыми историями», а у Апулея «разными историями», причем греческому μύθοι соответствует его семантический латинский коррелят fabulae. В тексте Фотия курсивом выделена пренебрежительная характеристика этих «старых историй», которая принадлежит самому Фотию, а не автору, о котором он пишет.

3. γραφῇ παρεδίδου // papyrum ‹...› inscriptam

В обоих текстах специально указывается на то, что рассказы о превращениях автор записал: у Фотия сказано, что Луций Патрский «вверил письму» все эти истории, а Апулей сообщает о «египетском папирусе, исписанном острием нильского тростника». Заметим, что Фотий в этом случае использует совершенно не свойственный ему оборот.

4. καὶ συνύφαινεν (и сплел) // conseram (сплету)

Последнее соответствие соблазнительно, но обманчиво: глагол συνυφαίνω — это обычный фотиевский глагол, который он употребляет применительно к тексту.

Композиционно фразы Фотия и Апулея представляют собой зеркальные отражения друг друга. Фотий характеризует Луция Патрского в последовательности «разнообразные превращения — в числе других старых историй — записал — сплел», а у Апулея последовательность обратная: «сплету — разные истории — записал — о разнообразных превращениях».

Сходство двух текстов исследователи объясняют так: и Фотий, и Апулей — каждый на свой лад воспроизводят текст «Метаморфоз» Луция Патрского. Учитывая, что у Апулея этот текст входит в пролог, мы можем предположить, что и у Луция Патрского он был частью пролога.

Но в любом случае понятно, почему высказывание Фотия о серьезности Луция Патрского выглядит недостаточно внятным. На этот раз причина в том, что Фотий подменяет собственные слова чужой речью, скрытой цитатой, чтобы честным путем уклониться от доказательств труднодоказуемого, переложив бремя ответственности за эту часть своей рецензии на сам рецензируемый текст.

Литература

Agachi 2012 — *Agachi A*. Photius of Constantinople // The Orthodox Christian world / Ed. by A. Casiday. London; New York: Routledge, 2012. P. 269–278.

Hall 1981 — *Hall J*. Lucian's satire. New York: Arno Press, 1981.

Helm 1993 — Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt / Ed. by R. Helm. Vol. II. Fasc. 2: Florida. Stutgardiae: B. G. Teubner, 1993.

Hunter 2012 — *Hunter R*. Plato and the traditions of Ancient literature: The silent stream. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 2012.

Kahane, Laird 2001 — A companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses / Ed. by A. Kahane, A. Laird. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.

Mason 1994 — *Mason H*. Greek and Latin versions of the Ass-story // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Theil. II. Bd. 34.2 / Hrsg. H. Temporini, W. Haase. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. S. 1665–1707.

Mason 2004 — *Mason H*. The Metamorphoses of Apuleius and its Greek sources // Latin fiction. The Latin novel in context / Ed. by H. Hofmann. London; New York: Routledge, 2004. P. 103–112.

Morales 2006 — *Morales M*. The copyist as novelist. Multiple versions in the Ancient Greek novel // Texts in multiple versions: Histories of editions / Ed. by L. Giuliani et al. Amsterdam; New York: Rodopi, 2006. P. 129–146.

Perry 1920 — *Perry B*. The Metamorphoses ascribed to Lucius of Patrae. New York: G. E. Stechert, 1920.

Perry 1967 — *Perry B*. The Ancient romances: A literary-historical account of their origins. Berkeley: Univ. of California Press, 1967.

Rohde 1869 — *Rohde E*. Über Lucians Schrift Λούκιος ἢ Ὄνος und ihr Verhältnis zu Lucius von Patrae und den Metamorphosen von Apuleius. Leipzig: W. Engelmann, 1869.

Scobie 1975 — *Scobie A*. Apuleius Metamorphoses (Asinus aureus): A commentary. Vol. 1. Meisenheim (am Glan): Hain, 1975.

Thiel 1971 — *Thiel H. van*. Der Eselroman. Bd. I: Untersuchungen. München: Beck, 1971.

Tilg 2014 — *Tilg S*. Apuleius' Metamorphoses: A study in Roman fiction. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.

Westermann 1838 — Gerardi Ioannis Vossii De Historicis Graecis libri tres / Ed. by A. Westermann. Lipsiae: Sumptum fecit Libraria Dykiana, 1838.

Winkler 1991 — *Winkler J*. Auctor & actor: A Narratological Reading of Apuleius' Golden Ass. Berkeley: Univ. of California Press, 1991.

The importance of being articulate: Photius' reading notes (*Bibliotheca*, cod. 129) in the history of the ancient novel

Akhunova (Levinskaya), Olga L.
Doctor of Philology
Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, Moscow, GSP-3, Miusskaya Sq.
Tel.: +7(495) 250-69-38
E-mail: levinskaja@mail.ru

Abstract. The paper examines the note by Photius, Byzantine theologian and Patriarch of Constantinople, on the "Metamorphoses" by Lucius Patrensis (cod. 129). The information given by Photius is extremely important for the history of the ancient novel, but in crucial passages of the text

Photius' phrasing seems inarticulate. The paper is an attempt to find a reasonable explanation of Photius' inarticulate phrasing and to clarify the meaning of the problematic passages.

Keywords: Photius, Lucius Patrensis, Lucian, Apuleius, Metamorphoses, review, ancient novel

References

Agachi, A. (2012). Photius of Constantinople. In A. Casiday (Ed.). *The Orthodox Christian world*, 269–278. London; New York: Routledge.

Hall, J. (1981). *Lucian's satire*. New York: Arno Press.

Helm, R. (Ed.) (1993). *Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt*, vol. 2, fasc. 2: Florida. Stuttgart: B. G. Teubner. (In Latin).

Hunter, R. (2012). *Plato and the traditions of Ancient literature: The silent stream*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press.

Kahane, A., Laird, A. (Eds.). (2001). *A companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Mason, H. (1994). Greek and Latin versions of the Ass-story. In H. Temporini, W. Haase (Eds.). *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II, 34.2*, 1665–1707. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Mason, H. (2004). The Metamorphoses of Apuleius and its Greek sources. In H. Hofmann (Ed.). *Latin fiction. The Latin novel in context*, 103–112. London; New York: Routledge.

Morales, M. (2006). The copyist as novelist. Multiple versions in the Ancient Greek novel. In L. Giuliani et al. (Eds). *Texts in multiple versions: Histories of editions*, 129–146. Amsterdam; New York: Rodopi.

Perry, B. (1920). *The Metamorphoses ascribed to Lucius of Patrae*. New York: G. E. Stechert.

Perry, B. (1967). *The Ancient romances: A literary-historical account of their origins*. Berkeley: Univ. of California Press.

Rohde, E. (1869). *Über Lucians Schrift Λούκιος ἢ Ὄνος und ihr Verhältnis zu Lucius von Patrae und den Metamorphosen von Apuleius*. Leipzig: W. Engelmann.

Scobie, A. (1975). *Apuleius Metamorphoses (Asinus aureus): A commentary* (Vol. 1). Meisenheim (am Glan): Hain.

Thiel, H. van. (1971). *Der Eselroman* (Vol. I). München: Beck. (In German).

Tilg, S. (2014). *Apuleius' Metamorphoses: A study in Roman fiction*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Westermann, A. (Ed.) (1838). *Gerardi Ioannis Vossii De Historicis Graecis libri tres*. Leipzig: Sumptum fecit Libraria Dykiana. (In Latin).

Winkler, J. (1991). *Auctor & actor: A narratological reading of Apuleius' Golden Ass*. Berkeley: Univ. of California Press.

Akhunova (Levinskaia), O. L. (2016). The importance of being articulate: Photius' reading notes (*Bibliotheca*, cod. 129) in the history of the ancient novel. *Shagi / Steps, 2*(2–3), 119–131